
ВИКТОР КУШНИРЕНКО

**«БУДЬТЕ ДОБРЫ, ПОДОЖДИТЕ МЕНЯ...»
К истории ссоры в Кишиневе опального Пушкина
с яским боярином Тодором Балшем**

Когда мы говорим о кишиневских дуэлях, ссорах А. С. Пушкина, то непременно вспоминаем его друзей, ангелов-хранителей, особенно подполковника И. П. Липранди и отставного майора Н. С. Алексеева. Правда, 6 января 1822 года, когда случилась самая страшная кишиневская дуэль Пушкина с полковником С. Н. Старовым, Липранди избрал позицию стороннего, хоть и не безучастного, наблюдателя. Очевидно, он испугался за исход дела.¹

По воспоминаниям Н. С. Алексеева и самого Пушкина, противники стрелялись насмерть: сначала — с 16, потом — с 12 шагов и, наконец, требовали еще «сдвинуть барьер».² Липранди знал, что Старов «за свою честь умеет постоять»,³ что он «обстрелянный» и «бой будет не ровный», ибо «Пушкин был так молод, неопытен»,⁴ и что оба противника, горя нетерпением, «поспешат сойтися, и тогда последствия будут ужасны».⁵ В этой дуэли секундантами были: со стороны Пушкина — Н. С. Алексеев, со стороны Старова — майор М. С. Гаевский. Ссылаясь на метель, на отсутствие должных зарядов, именно они уберегли от смерти и Пушкина, и Старова. Тогда и родились известные пушкинские строки:

¹ См.: Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 320.

² Там же. С. 321.

³ Горчаков В. П. Воспоминание о Пушкине // Там же. С. 269.

⁴ Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. С. 320.

⁵ Там же. С. 321.

Я жив,
Старов
Здоров,
Дуэль не кончен.

(XIII, 352).

В. П. Горчаков и А. П. Полторацкий сделали все для того, чтобы примирить дуэлянтов. 8 января их свели у ресторатора Николетти. Именно здесь Пушкин с уважением отозвался о Старове, а тот ответил: «...я должен сказать по правде, что вы так же хорошо стояли под пулями, как хорошо пишете».⁶ Пушкин кинулся обнимать Старова. Они подружились.

Однако слухи, сплетни поплыли по городу и принесли немало огорчений участникам дуэли. Мы не знаем, как реагировал на них Старов, но Пушкин дважды отстаивал честь и свою, и своего противника. Первый раз там же, у Николетти, где в его присутствии местная молодежь вздумала смеяться над Старовым.⁷ Второй раз — 5 марта 1822 года на вечеринке у вдовы ворника⁸ Смаранды Богдан, когда ее дочь Мария публично осмеяла Пушкина как не сумевшего защитить себя в поединке со Старовым. В тот вечер Пушкин вызвался «отмстить честь обиженного» кем-то ворника Янко Балша — брата мужа Марии Балш. Хорошо знавшая исход дуэли, но уязвленная, что Пушкин свое внимание в те дни с нее перевел на другую яскую красавицу, блиставшую в кишиневских салонах, — генеральшу Екатерину Альбрехт, она бросила поэту с усмешкой: «*Vous vous défendre assez mal vous même*» («Вы и себя-то плохо защищаете» — *франц.*). Произошла всем известная ссора Пушкина с Балшем. Она тогда закончилась тем, что «генерал Пушин успел все привести в порядок и, схватив Пушкина, увез с собою».⁹

И тут мы подходим к документам, фактам, которые в пушкинистике до конца не расшифрованы, не выстроены во времени и должным образом не включены в пушкинскую «Летопись жизни и творчества». Речь идет о записках, опубликованных в Большом академическом собрании сочинений поэта под номерами 54, 55, 358 (XIII, 65, 351), а также о письме Тодораки Балша к бессарабскому наместнику генералу И. Н. Инзову, которое дошло до нас в черновике. Две записки находятся на одном листе бумаги, сложен-

⁶ Горчаков В. П. Воспоминание о Пушкине. С. 270.

⁷ См.: Там же. С. 270—271.

⁸ Ворник — одна из высших государственных должностей в Бессарабии.

⁹ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни, Или два дни вёдра на 363 ненастья // Звенья: Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М., 1951. Т. 9. С. 52.

ной при передаче в восемь раз по длине.¹⁰ Первая — от Крупенского к Пушкину, вторая — от Пушкина к неизвестному. Обе датированы широко: «Октябрь 1820 г. — июнь 1823 г. Кишинев» (XIII, 65). Третья записка — от А. Балша (Бальша) к Пушкину — датирована еще более широко: «Май 1821 г. — июнь 1823 г. Кишинев или около 10 сентября 1826 г. — 1827 г. Москва — Петербург» (XIII, 351). На ее обороте — программа «Влюбленного беса».¹¹ В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» датировка сужена временем пребывания Пушкина в Кишиневе: «1821. Май...1823. Июнь».¹²

Между тем думается, что все эти записки имеют твердую дату, а также известных адресатов. Они коротки, динамичны и тесно связаны одна с другой. Иными словами, в них все говорит о том, что они — существенная часть истории ссоры Пушкина с Балшем, которая случилась утром 8 марта 1822 года.

С ней тесно связано и письмо Тодораки Балша. Оно было обнаружено в архивных материалах семьи Балшей в Бухаресте еще в 1938 году Ефросинией Двойченко. В том же году она опубликовала письмо и комментарий к нему в Париже в «*Revue des études slaves*».¹³ В 1947 году письмо Балша было на французском языке напечатано в книге Георге Безвикони (Безвиконного) и Скарлата Каллимаки «*Pușkin în ezil*», изданной в Бухаресте на румынском языке и до сих пор не переведенной на русский язык.¹⁴ К этому письму и истории обращались в 1961 году — Г. Ф. Богач,¹⁵ а в 1979-м — Е. М. Двойченко-Маркова,¹⁶ но письмо, по сути дела, так и осталось неисследованным.

Приведем его ниже:

Excellence!

A la suite des plaintes que j'ai eu l'honneur de porter à V. E. contre l'indigne procédé de Mr. Pouschkin envers mon épouse et envers moi,

¹⁰ Лист воспроизведен: XIII, между с. 64 и 65; см. также с. 6 наст. изд.

¹¹ См.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 105. № 267; здесь ошибочно указано, что это программа «Уединенного домика на Васильевском».

¹² См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 249.

¹³ *Dvoicenco E. Pușkin et les Balsch a Kișinev // Revue des études slaves. 1938. T. 18, f. 1—2. P. 73—75.*

¹⁴ *Bezviconi G. și Callimachi S. Pușkin în exil. București, 1947. P. 159—170.*

¹⁵ См.: Богач Г. Ф. К истолкованию стихотворения Пушкина «Мой друг, уже три дня...» // Пушкин на юге. Кишинев, 1961. Т. 2. С. 255.

¹⁶ См.: Двойченко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979. С. 54—57.

[Elle a bien voulu charger Mr. M. de K.], Votre Excellence, désirant que ce différend se terminât à l'amiable, a eu la bonté de charger Mr. M. de K. d'amener une réconciliation.

Mr. de K., remplissant l'engagement qu'il avait pris [envers Vous], vint me faire une proposition qui se trouvait parfaitement conforme à vos désirs [et avec mes dispositions], auxquels je me suis disposé aussi [par l'engagement de], engagé par Mr. Kroupenski. Je n'hésitais pas un instant [à y consentir] [l'accepter], en lui observant cependant que je ne m'y prêtais qu'autant qu'il m'assurerait que [Mr.] dans cette [occasion] entrevue avec Mr. de P., ce dernier mettrait de la modération dans sa conduite et que je ne serais pas exposé à recevoir une seconde insulte. M'ayant dit tout ce qui était propre à dissiper mes craintes, je me rendis en toute confiance chez Mr. de Kroupenski, où la réconciliation devait avoir lieu. Mais quel fut mon étonnement lorsqu'aux premières paroles de raccommodement que Mr. K. lui adressa, Mr. P. pour toute réponse tire de la poche un pistolet et [s'avance] s'élançe sur moi [d'un air menaçant et me l'appuyant sur ma poitrine, me dit que, s'il ne s'était pas trouvé où il était, c'en eût été fait de ma vie] pour me tuer, et ce ne fut qu'avec les plus grands efforts que Mr. de K. et Mr. le G. P. parvinrent à le faire sortir de la chambre. Toutes les circonstances de cette scène sont exactement et fidèlement<sic!> rapportées et peuvent être attestées par les personnes qui étaient présentes.

D'après un acte pareil que je n'hésite point de [sic] qualifier d'assassinat prémédité, puisqu'il en porte tout [sic] les caractères, et dont l'exécution n'a manqué que parce qu'heureusement on s'est saisi de sa personne, regardant mon existence comme hautement compromise et en danger, j'ose demander d'abord au nom de S. M. l'E. de toutes les Russies dont nous jouissons de la haute protection, — une sauve garde contre les attentats que cet individu peut encore méditer contre [ma sûreté] mes jours, et en second lieu qu'[on procède] il soit procédé envers lui d'après la rigueur des loix qui ne peuvent laisser impunie une action aussi criminelle que celle dont Mr. de P. s'est rendu coupable, et qu'il subisse en conséquence la peine portée par les loix en vigueur dans l'Empire de Russies contre les assassins.

Je supplie V. E. de prendre mes réclamations en considération et de me faire rendre une prompte justice, [qu'elle croira m'être due] [Persuadé que...] [Je ne saurais avoir de meilleur garant de mes]. Confiant entièrement dans les principes qui caractérisent V. E., j'ai l'honneur d'être avec les sentiments de la plus haute...¹⁷

¹⁷ *Dvoicenco E. Puškin et les Balsch a Kišinev. P. 74—75; перевод: «Ваше Высокопревосходительство!*

Это письмо, а вернее, жалобу Тодораки Балша надо датировать не «Март, 9...27», как дано и в «Летописи...»,¹⁸ а 8 марта 1822 года.¹⁹

Вследствие жалобы, которую я имел честь представить В<ашему> В<ысокопревосходительству> на недостойный поступок г. Пушкина относительно моей супруги и меня [Вам было угодно поручить г. М. К<рупенскому>], Ваше Высокопревосходительство, желая, чтобы этот разлад закончился по-дружески, соблаговолили поручить г. М. К<рупенскому> привести к примирению. Г<-н> К<рупенский>, выполняя обязательство, которое он взял [перед Вами], тотчас сделал мне предложение, которое полностью соответствовало Вашему желанию [и моему настроению] и к которому я также был расположен по призыву г. К<рупенского>. Я не колебался ни минуты [с этим согласиться] [принять это], заметив ему, однако, что я соглашаюсь лишь постольку, поскольку он может поручиться, что [г.] при [этом случае] этой встрече с г. П<ушкиным> последний станет вести себя сдержанно и что я не буду подвергнут новому оскорблению. После того как он мне высказал все, что могло развевать мои опасения, я направился с полным доверием к г. Крупенскому, где должно было бы произойти примирение. Но каково было мое удивление, когда при первых же словах, с которыми г. К<рупенский> обратился к нему, г. П<ушкин> вместо ответа вытащил из кармана пистолет и [устремился] бросился на меня [с угрожающим видом, приставив его к моей груди и сказав, находишься он сейчас в ином месте, он бы со мной расправился] с намерением убить, и лишь ценой немалых усилий г. К<рупенского> и г. г<енералу> П<ушину> удалось вывести его из комнаты. Все обстоятельства этой сцены изложены точно и достоверно и могут быть засвидетельствованы присутствовавшими при этом лицами.

После подобного деяния, которое я без колебаний оцениваю как преднамеренное убийство, поскольку в нем наличествуют все признаки такового, а довести дело до конца помешало лишь то, что, по счастью, его <Пушкина. — В. К.> удержали силой, я, полагая, что моя жизнь подвергнута прямой угрозе и находится в опасности, смею просить, во-первых, именем Е. В. Императора Всероссийского, под чьим высочайшим покровительством мы пребываем, — защиты от посягательств, которые этот человек может еще задумать против [моей безопасности] моей жизни, а во-вторых, чтобы с ним поступили по всей строгости законов, которые не могут оставить безнаказанным столь преступное деяние, как то, в котором виновен г. П<ушкин>, и чтобы он таким образом понес наказание, предусмотренное действующими в Российской империи законами против убийц.

Я прошу В<аше> В<ысокопревосходительство> принять во внимание мою жалобу и незамедлительно свершить правосудие [которое, как Вы сочтете, мне полагается]. [Будучи убежден, что...] [Я не мог бы иметь лучшего залога моей] Всецело доверяясь принципам, которые отличают В<аше> В<ысокопревосходительство>, я имею честь оставаться с чувством самого высокого...» (франц.; перевод Анны Завалистой под редакцией В. В. Зельченко).

¹⁸ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 277.

¹⁹ См.: Кушницренко В. «В стране сей отдаленной...»: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина в Бессарабии, Каменке, Кieve и Одессе и связанных с ним событий с 20 сентября 1820 года по 1 августа 1824 года. Новое издание: В 2 т. Кишинев, 1999. Т. 2. С. 68.

И вот почему. Вторая ссора между Пушкиным и Балшем произошла утром 8 марта. Зная нрав Пушкина и Балша, их намерения, Инзов не стал выжидать, как накануне, а, упреждая возможные страшные последствия, в тот же день «после обеда отправил его <Пушкина> с адъютантом под арест».²⁰ Между тем Балш, еще не ведая об аресте поэта, вечером передает жалобу на имя Инзова и просит «принять во внимание мою рекламацию и незамедлительно свершить правосудие...». Что же из себя должно представлять это «правосудие»? Балш требовал: во-первых, обеспечения безопасности, защиты своей жизни от Пушкина, причем требовал именем Александра I; во-вторых, наказать поэта по всей строгости российских законов как убийцу. Посадив Пушкина под арест немедленно, И. Н. Инзов именем российского императора и в соответствии с законами России тем самым уже выполнил просьбу Балша о незамедлительном свершении правосудия. Все это позволяет нам датировать его жалобу именно 8 марта 1822 года.

Однако жестокость жалобы Балша требует необходимого отступления и пояснения. Требуя от Инзова наказания Пушкина по всей строгости российских законов против убийц, поскольку-де Балш и ему подобные бояре-беженары (беженцы) пользовались «высокой протекцией» Александра I, сам Балш был далеко не честен и не откровенен. Он двуличничал, поскольку еще в феврале 1822 года выезжал из Кишинева в Яссы, а оттуда — в Силистрию, где свиделся с Юсуф-пашой, которому передал челобитную от группы крупных бояр-беженаров, находившихся все еще в Бессарабии, к турецкому султану с просьбой назвать Балша или одного из ясских бояр, но не второстепенных, а крупных, таких как сам Балш, господарем Молдовы, вернув те законы и обычаи, которые тут были 150 лет назад.²¹ Таким образом, в те дни Балш сам жил не по российским законам, а хотел видеть себя господарем Молдовы в объятиях Турции. Но его двуличие, о котором тогда никто еще не ведал, грозило в те дни суровым наказанием для Пушкина.

Теперь, чтобы определиться в предшествовавших 8 марта событиях, надо заметить, что в четырехтомной «Летописи» неверно указано, что первая ссора Пушкина с Балшем, в доме вдовы Богдан, состоялась 6 марта 1822 года.²² Она случилась вечером 5 мар-

²⁰ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни... С. 52.

²¹ Подробнее см.: Богач Г. Ф. К истолкованию стихотворения Пушкина «Мой друг, уже три дня...». С. 260—263.

²² Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 276; здесь повторена ошибка М. А. Цявловского в примечаниях к публикации дневника П. И. Долгорукого (см.: Звенья. Т. 9. С. 135).

та, поскольку П. И. Долгоруков в своем дневнике 9 марта фиксирует, что эта ссора имела место «в прошедшее воскресенье»,²³ которое попадает именно на эту дату.²⁴

Таким образом, приведенное выше письмо Балша и указанные записки отражают события, имевшие место между 5 и 8 марта. И тут любопытно наблюдение за поведением в эти дни П. И. Долгорукова и И. Н. Инзова. Долгоруков помечает в дневнике так эти дни марта: «4. 5. Не примечательны» (и это понятно: ссора у Богдан была 5-го вечером); «6» — Долгоруков «докладывал наместнику», тот «привязывался ко всему» (Инзову уже донесли о ссоре, он выжидал, нервничал, меры принимал не спеша); «7» — «наместник опять перестал ласкать меня»²⁵ (Инзову уже было не до ласки ближних, все накалилось, дело шло к дуэли, примирением не пахло). Только 8 марта все проясняется и объясняется для Долгорукова, и он тут же пишет: «Пушкину объявлен домовый арест за то, что прибил одного знатного молдаванина, не хотевшего с ним выйти на поединок».²⁶

Как же на этом фоне можно восстановить события? Безусловно, Инзов мог знать о ссоре еще 5 марта, со слов Крупенского, П. С. Пуштина, да и самого Пушкина, жившего с ним в одном доме. Мог все узнать и 6 марта. Далее события происходили так.

6 марта — судя по началу жалобы Балша, он в этот день, скорее всего под сильным давлением своей жены, явился к Инзову и обратился с письменной или устной жалобой от имени жены и себя «на недостойный поступок г. Пушкина относительно моей супруги и меня», с пожеланием, чтобы ссору разобрал если не сам Инзов, то непременно Крупенский. Инзов убеждает Балша, что все надо решить «по-дружески», соглашаясь поручить примирение Крупенскому. По всей видимости, в этот день Инзов беседует с Пушкиным и Крупенским, которому поручает примирить соперников. В свою очередь, Крупенский там же, у Инзова, беседует с Пушкиным и также советует пойти на мировую и в связи с этим предупреждает, что после разговора с Балшем он сообщит ему о дате и месте примирения. Никто не форсирует события, видя настрой Балша и особенно Пушкина.

7 марта, выполняя поручение Инзова, Крупенский беседует с Балшем о примирении с Пушкиным. Из письменной жалобы

²³ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни... С. 53.

²⁴ См.: Хронологический справочник (XIX и XX века) / Сост. М. И. Перпер. Л., 1984. С. 15.

²⁵ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни... С. 48.

²⁶ Там же.

Балша видно, что он, не веря в возможность этого, очевидно располагая какой-то информацией о настрое Пушкина, высказывает опасение, что Пушкин может подвергнуть его «новому оскорблению». Крупенский успокаивает, сообщая, что он уже беседовал с Пушкиным и тот обещал ему, что «проявит сдержанность в своем поведении». Успокоенный Крупенским, Балш обещает прийти утром 8 марта в дом Крупенского. Но к вечеру участники и свидетели встреч и переговоров видят, что примирение осуществить не так-то просто. Пушкин ведет дело к дуэли, в исходе которой вряд ли кто сомневался. Вот почему в этот день нервничал Инзов.

Наконец наступает 8 марта. И теперь самое время обратиться к названным выше запискам. Дело в том, что до утра 8 марта о случившемся в доме Богдан знал довольно узкий круг лиц: Инзов, Пушкин, Алексеев, семья Крупенского, вдова Богдан, оба семейства Балшей. Вездесущий подполковник И. П. Липранди находился в Херсоне — он все узнал только через две недели.²⁷ Многие известные поэту полковники по разным причинам тоже отсутствовали в Кишиневе или были замешаны в событиях, которые исключали их участие в ссорах, дуэлях, — гетеристы, декабристы, масоны. Вполне естественно, что вся эта история имела свое отличительное звучание в доме Янко (Иорго, Иордаки) Балша. Да, Пушкин устроил ссору, но ведь он из благородных побуждений вызвался заступиться за Янко. Балши сочувствовали поэту, особенно был тронут поступком Пушкина сын Янко — Алеко. Несомненно, он, как и его отец, как и многие в те дни молодые яские бояре, слыл «карбонарием» (чего не скажешь о Тодораки Балше). И это сближало его с Пушкиным, с которым он виделся часто в домах своих родственников. И очевидно, узнав о решительности Пушкина, Янко поспешил к поэту, чтобы отговорить его от дуэли. Он пытался это сделать утром, до свидания поэта с Тодораки Балшем у Крупенского. Отсюда и его записка № 358: «Comment faire pour vous trouver? A. Balsch» («Как застать вас? А. Балш» — *франц.*; XIII, 351, 565). Но Пушкина уже ранним утром не было дома. Он получил записку от М. Е. Крупенского. И эта записка № 54 гласила: «Monsieur Pouskin, ayez la complaisance de passer dans l'instant chez moi» («Господин Пушкин, будьте любезны тотчас же пожаловать ко мне» — *франц.*; XIII, 65, 525). Тотчас — значит, немедленно, по получении оной. Но кто знает, как там повернется дело? Да и надо ли его так кончать? И кто вообще хорошо знает всю эту историю? На кого можно положиться? Будь на месте Липранди, Пушкин, вне всякого со-

²⁷ См.: Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний. С. 323.

мнения, обратился бы только к нему. Но его нет, и скоро не будет. И все же был еще один, и прекрасный, ангел-хранитель — это полковник С. Н. Старов. Именно он — в курсе всей истории с дуэлью, не даст в обиду ни Пушкина, ни себя. Думается, что на этой записке, полученной от Крупенского утром 8 марта, торопясь к вице-губернатору по вызову, Пушкин именно Старову адресовал свою записку № 55: «Voilà, mon colonel, une lettre de Kroupensky que je viens de recevoir. Ayez la bonté de m'attendre. Pouchkine» («Вот, полковник, записка Крупенского, которую я только что получил. Будьте добры, подождите меня. Пушкин» — *франц.*; XIII, 65, 525). Вместо пояснений — рисунок: мужской профиль, так схожий с Балшем. Но был ли это Тодор Балш? Может быть, это профиль Старова?.. Саму записку относил, скорее всего, пушкинский дядька Никита. Но Старова, по всему, дома не оказалось, и Никита принес записку назад. Так она дошла до нас.

Пушкин просил полковника Старова подождать... Значит, он шел к Крупенскому не для примирения. Потому там примирение и не состоялось. Потому Пушкин и не искал с утра ни Пущина, ни Алексеева. Балш и Пушкин вновь повздорили в доме Крупенского. Пушкин дал ему пощечину, грозил пистолетом. Он явно вел все к дуэли. Отсюда — и выбор Старова, записка к нему. Это был верный расчет. Старов без колебаний встал бы на сторону поэта. Но по чьей-то просьбе (Крупенского или Балша) в доме опять оказался генерал Пущин, он и помог Крупенскому «с большими усилиями» увести поэта из этой комнаты.

Далее опять вмешался Инзов. Вместо дуэли Пушкин оказался под арестом. Вечером 8 марта Тодор Балш передал Инзову свою жалобу в письменном виде. Всю эту историю П. И. Долгоруков изложил 9 марта, заметив, что вчера, то есть 8 марта, «поутру свели их в доме вице-губернатора. Балш начал просить прощения, но Пушкин, вместо милости и пощады, выхватил заряженный пистолет и, показывая оный, сказал Балшу: “Вот как я хотел с вами разделаться. Здесь уже не место”. При сих словах, положив пистолет обратно в карман, он ударил его в щеку».²⁸ 10—11 марта Пушкин сам поведал нам всю историю в стихах:

Мой друг, уже три дня
Сажу я под арестом,
И не видался я
Давно с моим Орестом.

²⁸ Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни... С. 52.

Спаситель молдаван,
Бахметьева наместник,
Законов провозвестник,
Смиренный Иоанн
За то, что яский пан,
Известный нам болван
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою,
И трус и грубиан,
Побит немножко мною
И что бояр пугнул
Я ново <ю> тревогой,
< > строгий
Приставил караул.

(АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 125)

Тут нельзя не заметить, что еще 8 марта, после схватки у Крупенского, дав пощечину и до смерти перепугав Балша, Пушкин стал успокаиваться — и от дуэли отказался. Поэтому и видел его в тот день у Пушина В. П. Горчаков «бледного как полотно и улыбающегося».²⁹

Таким образом, все три записки должны быть датированы 8 марта 1822 года. С этими датировками они должны публиковаться в собрании пушкинской переписки, а письмо-жалоба Балша — упомянута в «Летописи жизни и творчества Пушкина».

²⁹ Бартнев П. И. Пушкин в южной России. М., 1862. С. 97.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 37

Санкт-Петербург
2023

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В81

*Издание основано в 1962 году
Выходит один раз в год*

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Рецензенты:
Доктор филологических наук
А. В. Кошелев
(*Государственный архив Новгородской области*)
Доктор филологических наук
О. Б. Лебедева
(*Томский государственный университет*)

ISBN 978-5-94668-370-8

© Авторы статей, 2023
© Пушкинская комиссия РАН, 2023